

Литература, 10 класс, муниципальный этап
Время выполнения – 5 часов
Максимальное количество баллов за все задания – 90 баллов

Задание № 1 (70 баллов)

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Выполняя целостный анализ рассказа Александра Грина «Заколоченный дом», примите во внимание следующие особенности его содержания и формы (поэтики): сюжетные и психологические мотивировки поступков героя-повествователя; функции вариативных версий ночного визита разных персонажей в заколоченный дом; смысл развязки. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Александр Грин
Заколоченный дом

Как стало блестять и шуметь лето, мрачный дом в улице Розенгард, окруженный выбоинами пустыря, не так уже теснил сердце ночного прохожего. Его зловещая известность споткнулась о летние впечатления. На пустыре роились среди цветов пчелы; обрыв за переулком белел голубую далью садов; в горячем солнце черные мезонины брошенной старинной постройки выглядели не так ужасно, как в зимнюю ночь, в снеге и бурях. Но, как наступал вечер, любой житель Амерхоузена с уравновешенной душой, – кто бы он ни был, – предпочитал все же идти после одиннадцати не улицей Розенгард, а переулком Тромтус, имея впереди себя утешительный огонь окон бирхалля с вывеской, на которой был изображен бык, а позади не менее ясные лампы кинематографа «Орион». Тот же, кто, пренебрегая уравновешенностью души, шел упрямо улицей Розенгард, – тот чувствовал, что от острых крыш заколоченного дома бежит к нему предательское сомнение и вязнет в путающихся ногах, бессильных прибавить шаг.

Но что же это за дом? Кстати, в пивной с вывеской быка хозяин словоохотлив, и я узнал от него все. Не всякий может это узнать; лишь тот выйдет удовлетворен, кто похвалит бирхаллевского шпица. Шпиц получил премию на собачьей выставке и чувствует это в тех только случаях, когда внимательная рука погладит его по вымытой белой шерсти, почешет ему за ухом и в острых, черных глазах его прочтет тоску о беседе.

Я сказал шпицу: «Великолепная, блистательная этакая ты собаченция; уж, наверное, за чистоту кровей выдали тебе диплом и медаль». (А я уже узнал, что выдали.)

Немедленно стал он ласков, как муфта, и подвижен, как фокстерьер, и облизал мне впопыхах нос. Хозяин порозовел от счастья. Мечтательно закатив глаза и снизу вверх пальцами причесав бороду, он сказал:

– Я вижу, вы понимаете в собаках. Большая золотая медаль прошлого года в Дитсгейме. Вот что, камрад, – волосы ваши длинные, шляпа широкопола, а трость суковата; правой руки указательный палец ваш с внутренней стороны отмечен неотмывающимися чернилами. По всему этому вы есть поэт. А я чувствую к поэтам такую же привязанность, как к собакам, и прошу вас отведать моего особого пива, за которое я не беру денег.

– Заколоченный дом Берхгольца, – продолжал он, когда особое пиво подействовало и когда я выразил к этому дому неотвязный интерес, – известен мне довольно давно. Вам многие наговорят об доме Берхгольца невесть какой чепухи; я один знаю, как было дело. Берхголец повесился перед завтраком, ровно в полдень. Он оставил записку, из которой ясно, что привело его к такому концу: крах банка. Состояние улетучилось. Казалось бы, делу конец, но жильцы меньше чем через год выехали все из этого дома. Все это были почтенные, солидные люди, к которым не притерешься. Сколько было голов, столько и причин выезда, но ни один не сказал,

что его мучат стуки или хождения, или еще там не знаю какие страхи. Однако стали говорить вскоре, что Берхгольц стучит в двери во все квартиры, когда же дверь открывается, за ней никого нет. Солидный жилец как может признаться в таких странных вещах? Никак – он потеряет всякий кредит. Поэтому-то все приводили различнейшие причины, но все наконец выехали, и в доме стал гулять ветер. Это было лет назад двадцать. Наследник сдал дом в аренду, а сам уехал в Америку. Арендатор спился, и с тех пор никто не живет в доме, хотя были охотники попробовать, не минуют ли их ужимки покойника. Пробы были недолгие. Скоро стали грузиться возы смельчаков – в отлет на более легкое место. Раз... был я тогда моложе – я вызвался на пари с судьей Штромпом провести ночь среди, так сказать, мертвецов и чертей...

– Чертей? – спросил я довольно поспешно, чтобы не замять это слово, так как хозяин Вальтер Аборциус имел обыкновение брать высокие ноты, не обращая внимания на оркестр, и нахально спускать их, когда слушающий сам забирался на высоту. – А что же черти, много ли их там?

– Как сказать, – произнес самолюбивый Аборциус, потягивая особое пиво, которое имело на него особое действие. – Как сказать и как понимать? Черти... да, это были они, или что-нибудь в том же роде, но еще страшнее. Я прочитал молитву и лег в кабинете Берхгольца – прошлым летом, как раз под Иванову ночь. Уже я начинал засыпать, так как выпил перед тем особого пива, вдруг дверь, которую я заставил курительным столиком, раскрылась так стремительно, что столик упал. Ветер прошел по комнате, свеча погасла, и я услышал, как над самым моим ухом невидимая скрипка играет дьявольскую мелодию. Мелькнули образины, одна другой нестерпимее. Что же?! Я не трус, но при таком положении дела почел за лучшее выскочить в окно. Как я бежал – о том знают мои ноги да соседние огороды. Судья, получив выигрыш, злорадно хохотал и стал мне ненавистен.

– Мастер Аборциус! – сказал тут чей-то голос с соседнего стола, и, подняв взоры, увидели мы квадратную бороду Клауса Ван-Топфера, счетовода. – Стыдитесь! – продолжал он тем трезвым тоном, который даже сквозь пиво являет признаки положительного характера. – Вы несете непростительную чепуху. Какие черти?! Какие дьявольские мелодии?! Да я сам ночевал раз в доме Берхгольца, и так же на пари, как вы. Я спал спокойно и безмятежно. Дом стар; дуб изъеден червями, печи, окна и потолки нуждаются в небольшом ремонте, но нет чертей. Нет чертей! – повторил он с апломбом здоровой природы, – и ночуйте вы там сто лет, никакой удавленник не придет к вам жаловаться на дела Дитсгеймского банка. Все. Получите за пиво.

Аборциус был, казалось, связан и несколько пристыжен таким решительным заявлением. Пока он собирался с духом ответить Клаусу, я незаметно улизнул через заднюю дверь и с запасом действия в голове особого пива отправился к заколоченному дому Берхгольца. Так! Я решил сам войти в это спорное место. Меж тем звезды повернулись уже к рассвету, и в ночной тьме не хватало той прочности, устойчивости, при какой ночь властвует безраздельно. Ночь начала таять, и хотя была еще отменно черна, воздух свежел.

По стене дома, снаружи, шла железная лестница; я поднялся и проник под крышу через слуховое окно. У меня были спички, и я светил ими на чердаке, пока разыскал опускающую дверь, ведущую во внутренние помещения третьего этажа. Был я не так молод, чтобы верить в чертей, но и не так стар, чтобы отказать себе в надежде на что-то особенное. Дух исследования вел меня по темным комнатам. Я спотыкался о мебель, время от времени озаря старинную обстановку светом спичек, которых становилось все меньше; наконец их более уже не было. В это время я путался в небольшом, но затейливом коридоре, где никак не мог разыскать дверей. Я устал; сел и уснул.

Открыть глаза в таком месте, где не знаешь, что увидишь по пробуждении, всегда интересно. Я с интересом открыл глаза. Горячий дневной свет дымился в золотистой пыли; он шел сквозь венецианское окно с трепетом и силой каскада. Как и следовало ожидать, дверь была рядом со мной, за дверью щебетала малиновка. Тотчас войдя, я увидел эту хорошенькую птичку перепархивающей по жесткой, цветной мебели красного дерева; одно стекло окна, выбитое камнем или градом, объясняло малиновку. Она исчезла, порхая под потолком, в соседнее помещение. Здесь же, в сору, меж карнизом пола и стеной, полз дикий вьюнок, семена

которого, попав с ветром, нашли довольно пыли и тлена, чтобы вырасти и зацвести. Неожиданно из-за стены прогремел бас: «Смелей, тореадор!» – прогремел он; я бросился на жильца и, толкнув дверь, увидел драматурга Топелиуса, расхаживающего в табачном дыму с пером в руке.

Мое изумление при таком афронте было значительно; оно даже превысило мои описательные способности. – «Друг Топелиус! – сказал я, протягивая руки, чтобы отразить нападение призрака, – если ты тень – исчезни. Нехорошо привидению гулять утром с трубкой в зубах!»

Он яростно закричал: – «Неужели и здесь я не найду покоя, хотя ты мне и приятель! Так это твои блуждания я слышал сегодня ночью, когда сцена прощания Тристана с Изольдой подходила уже к концу?! Клянусь трагедией, я начинал поджидать визита Берхгольца. Впрочем, сядь; пьеса готова. Слушай: когда под тобой, внизу, сто раз в день сыграют рапсодию Листа, а над тобой – «Молитву девы» и когда на дворе смена бродячих музыкантов непрерывно от зари до зари, – ты тоже подыщешь какой-нибудь заколоченный дом, куда надо влезать в окно, но где, по милости молвы, живут одни привидения. Впрочем, здесь так чудесно!»

– Да, чудесно, и я повторяю это за ним, так как чудеса – в нас. Не тронул ли меня солнечный свет в лиловых оттенках? И выюнок на старой панели? И птица – среди вещей? Наконец, эта рукопись, которую он протянул мне с гордой улыбкой, рожденная там, где бояться дышать?

1924

Примечания:

Бирхалле (нем. Bierhalle) – пивная.

Афронт (фр. affront) – здесь: резкий отпор.

Тристан и Изольда – средневековый роман о печальной любви юноши Тристана и королевы Изольды.

Выполняя целостный анализ стихотворения **Михаила Кузмина «Лермонтову»**, примите во внимание следующие особенности его содержания и формы (поэтики): личностные черты Лермонтова и характерные для его творчества темы и мотивы, отразившиеся в стихотворении М. Кузмина; функции реминисценций из произведений Лермонтова; система антитез в художественной структуре стихотворения М. Кузмина; особенности авторской трактовки образа поэта-предшественника. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Михаил Кузмин
ЛЕРМОНТОВУ

С одной мечтой в упрямом взоре,
На Божьем свете не жилец,
Ты сам – и Демон, и Печорин,
И беглый, горестный чернец.

Ты с малых лет стоял у двери,
Твердя: "Нет, нет, я ухожу", –
Стремясь и к первобытной вере,
И к романтическому ножу.

К земле и людям равнодушен,
Привязан к выбранной судьбе,
Одной тоске своей послушен,
Ты миру чужд, и мир – тебе.

Ты страсть мечтал необычайной,
Но, ах, как прост о ней рассказ!
Пленился ты Кавказа тайной, –
Могилой стал тебе Кавказ.

И Божьи радости мелькнули,
Как сон, как снежная мятель...
Ты выбираешь – что? две пули
Да пошловатую дуэль.

Поклонник демонского жара,
Ты детский вызов слал Творцу.
Россия, милая Тамара,
Не верь печальному певцу.

В лазури бледной он узнает,
Что был лишь начат долгий путь.
Ведь часто и дитя кусает
Кормящую его же грудь.

1916

Задание № 2 (20 баллов)

Заполните пропуски в приведенной статье из словаря литературоведческих терминов и дополните ее новой, соответствующей теме статьи информацией. Завершите статью, включив в нее:

1) имена писателей-пародистов и указания на примеры их пародий (название или первая фраза) – достаточно 2 примеров;

2) разбор приведенного после статьи текста пародии (творчество какого писателя стало предметом пародии? какие черты пародируются? какими приемами пользуется пародист).

ПАРОДИЯ (греч. *parodia*, букв. – перепев) – комическая имитация, подражание художественным особенностям литературного произведения, жанра, направления, имеющее целью Главный художественный принцип пародии — нарочитое несоответствие Пародист должен уметь уловить наиболее существенные, отличающие именно это произведение или этого автора Намеренно их акцентируя, доводя до карикатурного преувеличения, пародист добивается

Пример пародии:

Рязанские лощины,
коломенская грусть.
Одна теперь в долине
живу я и томлюсь.

Козел мой златорогий
гулять умчался в лес.
И свечкой четверговой
горел окрай небес.